

Виктор Точинов

Усмешки Клио-2

Усмешки Клио

Виктор Точинов

Усмешки Клио-2

«Точинов Виктор»

2009

Точинов В. П.

Усмешки Клио-2 / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,
2009 — (Усмешки Клио)

Вторая часть книги Виктора Точинова, состоящей из криптоисторических и фантастико-исторических исследований. Где на самом деле лежит знаменитый «клад Котовского» – три грузовика, нагруженных золотом Одесского госбанка? Зомби получают не только из людей, корабли иногда воскресают тоже, – известна ли вам посмертная судьба знаменитого крейсера «Варяг»? Кто виноват и как получилось, что за пять лет во главе государства Российского сменилось четыре правителя – но все при этом умирали «естественной» смертью? На эти и другие загадки прошлых веков автор отвечает в присущем ему стиле – придерживаясь исторических фактов, но ничем не стесняя свою фантазию.

© Точинов В. П., 2009

© Точинов Виктор, 2009

Содержание

Часть вторая. За честь державы	5
Глава седьмая. Шпионская история	5
Глава восьмая. Откуда есть пошло русское рыцарство	12
Глава девятая. Послесловие к легенде	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Виктор Точинов

Усмешки Клио-2

Часть вторая. За честь державы

Глава седьмая. Шпионская история

Первая же глава романа, получившего название «Щит и меч», вызвала у меня и Р. И. Абеля категорические возражения. Советский разведчик Александр Белов предстал перед читателями как некая модификация Джеймса Бонда, с авантюристическими выходками и безнравственными поступками.

В. Г. Павлов, генерал-лейтенант разведки

Написать книжку о шпионах легче легкого. Хотите, научу? Теперь это даже проще, чем раньше. Раньше герои подразделялись на два главных типа: один – этакий интеллеktуал, переигрывающий противников в основном силой своего шпионского разума. Пистолет, кулаки и другие подручные средства (например, бутылку из-под коньяка) этот знакомый с поэзией и философией герой применял, но достаточно редко. Примерно дважды за роман или один раз за три серии.

Другой тип героя-шпиона прошлых лет тоже хорошо известен: обросший мышцами и не расстающийся с пистолетом супермен. Тот, наоборот, активно крушил челюсти и палил во все стороны. И лишь иногда пускал в ход укрытые под толстым черепом извилины. Толстый череп – деталь всенепременная, иначе герой быстро станет полным идиотом. Он ведь часто попадает в лапы к супротивникам, чтобы с блеском оттуда спастись, а одолеть в честной рукопашной схватке супер-агента невозможно, – и поэтому враги постоянно стучат сзади по черепу чем-либо тяжелым.

Так было раньше. Теперь эти два типажа почти слились в один. Интеллигент накачал бицепсы и записался в секцию карате, а супермен засел за книги и стал вставлять в речь приличествующие случаю цитаты.

Но у типичного героя должна быть и личная узнаваемость. Чтобы ваш шпион хоть как-то отличался от бесчисленных предшественников, у него должна быть какая-то лишь ему присущая особенность. Придумать ее самое сложное. Авторы уже написанных походов бойцов невидимых фронтов успели застолбить все мало-мальски пригодное. А что не успели – то захватили сочинители криминальных романов для своих героев-сыщиков. Так что чем-либо простым, типа игры на скрипке, разведения орхидей или выкладывания на столе фигурок из спичек вы не отделаетесь. Можно попробовать что-нибудь современное и техногенное. Например, герой свободными вечерами шарит по Интернетовским сетям. А заодно, совмещая приятное с полезным, ищет подходы к главе вражеской охраны, вступив с ним в электронно-любовную интригу и выдавая себя за юную девушку, невзначай влюбившуюся в этого матерого контрразведчика...

Ну ладно, допустим, что с главным героем вы определились. С антигероем еще проще – свалите в одну кучу все известные вам пороки и извращения, прикройте очками и черной шляпой... Но такой антигерой – это ретро, это сейчас не в моде. Противник у вашего персонажа тоже должен быть воспитанным и даже интеллектуальным, просто нанятый другим хозяином.

Тупые садисты решительно не подходят – ну о чем, в самом деле, с таким можно поговорить в заключительном диалоге, перед генеральной разборкой и хеппиэндом?

Остальных персонажей придумайте самостоятельно, особенно не напрягая воображение. Их обязанности скромны – служить живыми декорациями для скулодробительных подвигов шпиона. Декорацией для подвигов постельных служит подруга главного героя. Поскольку этим роль ее исчерпывается, то простор для фантазии полный. Если ничего толкового в голову не приходит – вспомните и опишите самую свою красивую одноклассницу, или сокурсницу, или сослуживицу, увеличив размер бюста как минимум до четвертого номера и наделив избытком сексуальности. Извилинами не перегружайте ни в коем разе – иначе трудно будет ответить на вопрос: с какой такой радости она столь неожиданно вспылала к заезжему шпиону? Любой дуре ведь ясно: заморочит голову, наврет с три короба, втравит с грязную историю – и упорхнет дальше, в романе-продолжении пить коктейли под пальмами на другом конце света, да морочить голову другой дурочке с бюстом четвертого номера. Никаких перспектив. А то ведь еще, подлец, может поставить под пулю, кинжал, управляемый радиофугас или падающий с крыши кирпич – дабы оправдать в глазах читателя свою жесточайшую и кровавую месть супостатам, лишившим шпиона любимой женщины.

Теперь о сюжете. Сюжет зависит от формата задуманного творения. Для романа просто необходима глобальная угроза, нависшая над ничем не подозревающим и беспечно резвящимся человечеством. В повести шпион может справиться с опасностью поскромнее, грозящей только его стране. Ну а для рассказа сойдет любая мелочь соответствующего профиля. Хотя до карманных краж документов у вражеских политиков и тому подобного опускаться не советую.

Да, вот еще что. Враги непременно должны расколоть вашего героя в самом начале сюжета, но это далеко не конец истории, – в отличие от реальной жизни, где на этом карьера разведчика чаще всего завершается, по крайней мере ее активная часть. Но ваш персонаж просто обязан проколоться, иначе интрига не закрутится. Иначе будет ваш супершпион буднично делать свое тайное дело – никто в него не стреляет, не похищает, погонь не устраивает. Скуотища, даже морду толком набить некому.

Всё, рецепт готов. Среднестатистическая шпионская книжка у вас получится. Но для полного блеизу неплохо вставить пару реальных эпизодов из нелегкой жизни подлинных шпионов. Документальные книги об Абеле, Зорге и Филби давно уже раздерганы по кусочкам пишущей братией, даже и не пытайтесь откопать там что-то свеженькое. Но делу можно помочь – одну реальную, нигде не публиковавшуюся историю я вам сейчас расскажу. Пользуйтесь.

Назовем ее для интереса вот как:

КАК ПОЙМАТЬ ЧЕРНУЮ КОШКУ В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ?

Был у моего отца не то чтобы друг, но очень хороший знакомый. Звали его Василием Васильевичем. Хотя сильно подозреваю, что при рождении назвали его не Васей. И папаша его был не Василием. И простую русскую фамилию Савельев, под которой В.В. будет представляться в последние годы жизни, его семейство тоже не носило. Но об этом позже.

Работал В.В. в строительно-монтажном тресте, на руководящей должности – начальником не слишком большим, но и не маленьким. Знали про него, что он бывший офицер, полковник в отставке, принимал участие в боевых действиях во время войны и после нее. С отцом, тоже прошедшим всю войну с первого ее до последнего дня, бывший полковник часто обменивался историями из боевого прошлого, причем из историй этих следовало, что служил он явно не в пехоте и не в артиллерии, но принимал участие в операциях секретных и довольно специфичных.

И лишь много лет спустя и довольно случайно выяснилось, что был некогда В.В. не армейским разведчиком или спецназовцем ГРУ, а кадровым офицером КГБ. Досрочная его

отставка была как-то связана с бывшим председателем этой конторы Семичастным: не то Семичастный его не любил, не то В.В. считал его дилетантом в делах плаща и кинжала и где-то неосторожно это высказал. А может, любил, и любовь у них была взаимной, за что полковник и поплатился должностью, когда турнули председателя. Не знаю, выучка у экс-чекиста была та еще, в рассказах своих он мастерски затенял действия свои и коллег – сюжет развивался как бы сам собой, без видимого участия бойцов невидимого фронта. История, которую я сейчас перескажу – одно из немногих исключений из этого правила, но и она была поведена от третьего лица.

* * *

Жил в предвоенные годы в Москве скромный советский служащий Михаил Юльевич Ольховский, натурализовавшийся поляк. Работал в библиотеке МГУ, в отделе периодических изданий; был женат и имел трех несовершеннолетних дочек.

Самая обыденная была у него жизнь: служба, общественные нагрузки, обязательные собрания, завершающиеся приветственными телеграммами героям-челюскинцам или героям-стахановцам, обязательные взносы в Осоавиахим и десяток подобных добровольных учреждений; после службы возвращение домой, в две смежные коммунальные комнаты. Жена Михаила Юльевича, гренадерского роста женщина, подвизавшаяся в системе фабрично-заводского обучения, весьма уважала и ценила мужа: он не пил, все работы по дому выполнял аккуратно и педантично, никогда не давал поводов для подозрений в амурных похождениях на стороне...

Дочки-комсомолки, напротив, относились к Ольховскому несколько свысока, считая его человеком отчасти старорежимным и неспособным в должной мере оценить веяния бурлящей молодежной жизни. Действительно, он довольно скептически слушал их рассказы о проходившем в школе заочном суде над английским премьером Чемберленом; а на посвященный юбилею комсомола десятикилометровый пробег 300 девушек в противогазах отреагировал и вовсе аполитично: «По-моему, без противогазов вы симпатичнее...»

Происхождение свое Михаил Юльевич вел из польского города Лодзи, приехав в Москву еще во время первой мировой, после занятия большей части Польши германскими войсками. Служебному продвижению Ольховского национальность никак не мешала, да и в последние двенадцать лет продвижения как такового не наблюдалось. Из года в год все новые поколения студентов видели сутулую фигуру Михаила Юльевича, разбирающего в своем закутке свежеступившие журналы. Никто и предположить бы не додумался, что этот скромный библиотекарь может быть шпионом. А он им был.

Да-да, лже-поляк лже-Ольховский на самом деле был чистокровным немцем и кадровым офицером германского генштаба. Происходя из силезских немцев, Отто фон Радеcki в совершенстве владел русским и польским языками и был внедрен в сумятице нахлынувших в шестнадцатом году беженцев из западных губерний в расчете на натурализацию и длительную, многолетнюю работу. От имперского генштаба гаумтмана фон Радеcki унаследовала разведка Веймарской республики, а уж от нее – гитлеровская (к тому времени Михаил-Отто заочно стал уже оберстом, т.е. полковником).

Должен опять разочаровать любителей шпионской романтики: оберст Ольховский не проникал темными ночами в цеха секретных заводов, не вскрывал сейфы в наркомате обороны и даже не пытался соблазнить личную массажистку Сталина.

Все было гораздо проще и прозаичнее, и шпионствовал фон Радеcki без отрыва от основного места работы. Любой генеральный штаб – организация крайне любознательная и круг ее интересов широк необычайно. Для планирования и организации успешной войны мало знать дальноточность пушек и скорострельность пулеметов предполагаемого противника, неплохо еще иметь представление о ширине дорог и грузоподъемности мостов; о профиле военной

кафедры в том или ином вузе; о проценте грамотных среди сельского населения; о сроках вскрытия рек в верхнем, среднем и нижнем течении и еще многое, многое другое...

Вот и сидел герр шпион в университетской библиотеке над газетами и журналами, отфильтровывая интересные цифры и факты от пропагандистской болтовни и славословий партии и правительству. А надо сказать, что несмотря на крепчающую шпиономанию, призывы к бдительности и лозунги типа «Враг не дремлет» – в периодике тех лет, должно быть из желания показать какие мы самые-самые, сообщения проскальзывали порой весьма любопытные для всякой разведки.

Ну а еще Отто Юльевич, имея доступ к карточкам пользователей научной библиотеки МГУ, мог достаточно верно определять, чем интересуются и над какой темой работают те или иные видные советские ученые, пользующиеся порой закрытыми книжными фондами...

В остальном работа шпиона сводилась к обобщению и первичному анализу добытых данных, а также к регулярным, раз в две недели, визитам к заранее обговоренным тайникам, из которых информация окольным путем уходила в германское посольство, а из него – в фатерланд. Впрочем, несколько раз за многолетнюю свою карьеру приходилось фон Радецки по необходимости заниматься и вербовками, в основном технических специалистов высокого уровня, вначале из «бывших», а затем и из «красных инженеров».

Так вот и шпионствовал этот враг народа до самого тридцать восьмого года. А в тридцать восьмом его арестовали.

В тот год арестовывали многих – и наркомов, и дворников, а уж библиотекаря загреметь было легче легкого. Достаточно было не успеть изъять из книжки или журнала портрет какого-либо вчерашнего вождя, а сегодняшнего изменника, или пропустить и не вымарать в тексте какое-нибудь о нем положительное упоминание.

Но Михаилу Юльевичу предъявили обвинение посерьезнее: статью 58 п. 8, – измена в форме шпионажа. Один из его дальних знакомых, напряженно придумывая личный состав для некоей «шпионско-террористической» организации, назвал и фамилию Ольховского. И за тем даже воронок посылать не стали, вызвали повесткой в большой дом на площади для дачи свидетельских показаний. Обратно Отто Радецки уже не вернулся.

«Конвейер» шпион смог выдержать не слишком долго – судя по датам на протоколах допросов, сломался на третьи сутки. Попросил карандаш и бумагу, пообещав все подробно изложить о своей подрывной и враждебной деятельности.

И изложил – все с подробностями, именами, явками. На двадцати семи исписанных мелким аккуратным почерком страницах красной нитью проходила мысль о том, что перевербовать и использовать Отто-Михаила в качестве канала дезинформации будет гораздо полезнее для страны побеждающего социализма. И уж совершенно непроизводительно и даже расточительно вывести его в расход в лубянском подвале...

Следователи были неприятно удивлены его трудом. Даже обилие фамилий, начиная с однокашников фон Радецки по кадетскому корпусу, не порадовало – большинство сообщников обитали вне пределов досягаемости, кто в Германии, кто за стенами посольства.

– Это что же ты сука, тут понаписал, а? – невыспавшийся лейтенант НКВД раздраженно похлопал дубинкой по шпионскому признанию. – Черской ведь что показал? Что четыре года назад самолично завербовал тебя для работы на польскую дефензиву. И Буровский это подтвердил на очной ставке. При чем тут Германия? Немцами вообще другой отдел занимается... Давай пиши по новой, и чтоб чистую правду! А не то...

Но шпион неожиданно уперся, твердолобо не желая признавать себя агентом дефензивы. Ему было наплевать на поворот внешней политики советского государства, начавшего движение к союзу с Гитлером, пакту Молотов-Риббентроп и очередному разделу Польши. Новая политика требовала разоблаченных *п о л ь с к и х* шпионов, а германскими, итальянскими и японскими и так были тюрьмы с лагерями переполнены...

Упорство это стоило Отто нескольких потерянных зубов и пары сломанных ребер. Под конец он понял, что никто не собирается его перевербовывать и использовать как агента-двойника; что никто не будет брать с поличным и объявлять персоной нон грата помощника атташе посольства, которого Радецки в экстренном случае мог вызвать для личной встречи; и что обмен на какого-нибудь томящегося в немецком концлагере антифашиста ему тоже не светит...

Безразличный к дальнейшему, Ольховский подписал все: и как шпионил в пользу панской Польши, и как готовил покушение на наркома Ворошилова, и как запасся полукилограммом бихлорида ртути с целью массового отравления студентов и преподавателей путем пропитывания этим ядом страниц выдаваемых изданий.

На фоне таких чудовищных признаний приговор тройки выглядел проявлением высшего гуманизма – десять лет без права переписки. Хотя, конечно, под этой формулировкой порой мог скрываться и расстрел, но Михаил Юльевич действительно был отправлен на золотые прииски Колымы. Только от судьбы никуда не уйдешь, и зимой того же года он попал под печально знаменитые гаранинские расстрелы, когда просчеты в определении количества необходимого на зиму продовольствия исправили уничтожением большинства едоков. Карьера потомственного офицера, полковника и кавалера орденов завершилась в старой выработке, на две трети заполненной изрешеченными из пулеметов телами...

Вдова, понятно, распростилась со службой, старшие дочери с комсомолом, младшая – с красным пионерским галстуком. Все четверо получили неблагозвучную аббревиатуру ЧСВН (член семьи врага народа) и были внесудебным порядком сосланы в далекий сибирский городишко Канск. С местом ссылки им, надо сказать, повезло. Дело в том, что в Красноярском крае вообще и в Канске в частности, обитала довольно многочисленная польская диаспора – потомки сосланных участников всевозможных бунтов, начиная еще с XVIII века, с Барской конфедерации и восстания Костюшко.

Вдову и детей «пана Ольховского» приняли, можно сказать, по-родственному. Поделились, чем смогли и не дали пропасть в трудные предвоенные и тяжелейшие военные годы. Черный юмор ситуации в том, что пани Ольховская была чистокровной москалкой (русской), а дочери имели смешанную русско-германскую родословную, то есть вели происхождение от двух наций, поляками издавна, мягко говоря, недолюбливаемых.

Были, конечно, у них свои трудности – матери, педагогу с высшим образованием, пришлось работать приемщицей на молокозаводе; в школе никто не хотел сидеть с детьми врага народа, а после школы дорога к высшему образованию была им наглухо закрыта аж до середины пятидесятых...

Что интересно, вдова (так и не вышедшая вторично замуж), живя среди поляков, сама изрядно ополячилась: будучи ранее убежденной атеисткой, окрестилась по католическому обряду, все чаще употребляла в разговоре польские слова и выражения. Сталина, кстати, в самом узком кругу она не называла иначе как катом (палачом). Правда, дочери относились к Иосифу Виссарионовичу абсолютно иначе. Младшая, например, узнав о смерти вождя народов, совершенно искренне рыдала и собиралась в Москву на похороны – мать, железной воли женщина, не отпустила...

Если вдуматься, то это ведь недостижимый идеал для диктаторов всех прочих времен и народов – когда дети убитых владыкой врагов искренне плачут, узнав о его кончине.

А спустя немного времени после смерти генералиссимуса начались известные события: XX съезд, борьба с культом личности и реабилитации невинно пострадавших. Пани Ольховская тоже приняла участие в этом процессе, надеясь очистить память мужа от клеветнических обвинений...

* * *

Вот так дело Ольховского М.Ю., 1893 года рождения, поляка, беспартийного и т.д. и т.п. попало в руки Василия Васильевича, еще довольно молодого тогда офицера госбезопасности. Раскрыл он его без особого интереса, ожидая увидеть очередные нелепые и нелогичные обвинения, свидетельствующие о скудости воображения их авторов. Хотя, быть может, и не в недостатке фантазии дело – когда обвиняемые идут таким густым потоком, оригинальных сюжетов их прегрешений никакой Дюма не напасется...

В.В. готовился уже привычно написать для прокуратуры короткую справку об отсутствии состава преступления, как вдруг взгляд его зацепили те самые, первые показания Отто фон Радеcki, снабженные коротким комментарием следователя: обвиняемый, дескать, пытается запутать следствие и избежать справедливого наказания. В.В. прочитал дважды этот любопытный документ и надолго задумался. Проще всего было дать покойному Ольховскому зеленый свет на реабилитацию и забыть это странное и весьма правдоподобное признание. Но В.В. пошел другим путем – послал официальный запрос в архив, где хранилась часть документов немецкой военной разведки, захваченных в 45-м году в Германии.

И спустя полтора месяца спустя пришел ответ – все сообщенное в 38-м году обвиняемым подтвердилось. Только в паре мест был легкий разнобой в именах и датах, архивные папки все-таки лучше хранят информацию, чем несовершенная человеческая память.

В.В. захотелось встретиться с ведущим дело следователем Грачем. Но старший лейтенант НКВД Грач погиб в 41-м на подступах к Москве. Честно ли он дрался с немцами или искоренял в войсках крамолу, попав под шальной снаряд или случайную бомбежку – неизвестно. И В.В. отправил в прокуратуру совсем другую бумагу: да, был обвиняемый шпионом и реабилитации не подлежит...

Разъяренная пани Ольховская сочла все это происками уцелевших в органах бериевцев и начала писать апелляции и жалобы. Но В.В. это уже не касалось – ему выпала командировка в Венгрию, где в тот год назревали весьма тревожные события...

* * *

Историю эту В.В. рассказывал довольно часто, когда его родную контору начинали попрекать событиями тридцатых годов. Рассказывал как иллюстрацию к своим размышлениям о смысле того, что тогда происходило в стране. Вот вкратце суть его мыслей:

Зря и понапрасну никого не сажали и не расстреливали. Как всегда в политических делах, корни всего лежат в экономике. Большая часть богатств страны – нефть, руды редких металлов, газ, золото, алмазы, – залегает на дальних окраинах, в тундре, в тайге, под мерзлотой. Для страны вопросом выживания, рассуждал В.В., было переселение нескольких миллионов на эти богом забытые окраины. Раскачать русского мужика, да и горожанина, на добровольное переселение в медвежьи углы пробовал еще Столыпин, – чем кончилось, известно. Сталин совсем не хотел, чтобы его империя рухнула подобно николаевской.

И сделал то, что сделал.

А как же расстрелы, им-то какая экономическая необходимость?

Не скажите, когда человек получает десять лет вместо вышки, он едет добывать золото совсем с другим настроением – он счастлив, что всего лишь этим для него, в отличие от других, все обошлось...

Что же касается реальных врагов и шпионов, продолжал В.В., то их количество после этих акций очень сильно поуменилось. Если отправить в лагеря десять процентов населения, это не значит, что из числа врагов тоже сядет каждый десятый. Нет, когда человек пишет

донос или дает показания, когда у него выбивают, кто же из его друзей, знакомых, соседей – враг, то в дело вступает и подсознание тоже. Видел, слышал, к примеру, за кем-то что-то подозрительное, потом вроде и забыл напрочь, а когда пытать начинают – выдай шпиона – подсознание срабатывает: этот, дескать. Ну и не только вражьи агенты горели в этой великой чистке, но и расхитители соцсобственности, и недовольные властью, и подпольные барыги, и извращенцы с растлителями, да и много кто еще...

Организм нации, продолжал свою мысль В.В., просто самоочищался от больных клеток. И не важно, если глубоко законспирированный французский шпион садился как троцкист, а подпольного миллионера расстреливали как агента сигуранцы. Поймать черную кошку в темной комнате очень просто – раскрыть большой мешок, поставить внутрь банку с валерьянкой, потом быстро завязать, приделать груз и снести на речку, на крутой бережок над глубоким местом... А если невзначай утонет рыжая или полосатая – не беда, плодятся кошки быстро...

Вот так. Зря говорят, что в органах тех лет сидели тупицы и садисты-дегенераты. Нет, тут система, тут железная логика. Нелюдская какая-то логика, но непробиваемая.

* * *

Хоронили умершего в 87-м году Василия Васильевича очень торжественно. Играл военный оркестр, несли на красных подушечках многочисленные награды, шестеро солдат вспомнили залпом из карабинов ноябрьское небо. Впоследствии над могилой поставили большой памятник из красивого пудожского камня, обнесенный оградой военного вида – цепочки, протянутые между латунными столбиками, стилизованными в виде трехдюймовых снарядов. Издалека видно, что лежит человек с боевым прошлым. Уже в наше время столбики эти отковыряли и утащили бомжи, охотящиеся за цветным металлом...

По слухам, вдова была очень расстроена.

Глава восьмая. Откуда есть пошло русское рыцарство

Дракон. Вы потомок известного странствующего рыцаря Ланцелота?

Ланцелот. Это мой дальний родственник.

Дракон. Принимаю ваш вызов. Странствующие рыцари – те же цыгане. Вас нужно уничтожить.

Е. Шварц, «Дракон»

Теперь обещанный разговор о русском рыцарстве. Начнем, как и положено, с варягов.

Итак, варяги. Если не затрагивать большой вопрос об их происхождении, то однозначно можно сказать только одно: славянское или скандинавское, но это племя прибрежных жителей, которым гораздо привычней ладья, чем боевой конь. И рыцарей – закованных в броню всадников – среди них не было. Все походы первых Рюриковичей в IX веке и первой половине X века совершаются по воде: и на Царьград, и на славянские земли, пока еще не вошедшие в состав государства; главная ударная сила – немногочисленные варяжские дружины, мастерски владеющие мечами и прославленные искусством биться в сомкнутом пехотном строю; плохо организованные ватаги вятичей, кривичей, древлян, как правило, разбиваются; схватки с византийскими греками идут с переменным успехом.

Со второй половины X века в летописях все чаще упоминаются комбинированные походы: пехота на ладьях, а конные по берегу. Но эта конница от рыцарской еще весьма далека.

Век XI – переломный. Если в начале и первой половине века воюют по старинке: все те же ладьи да пешие отряды варягов-наемников, то к концу столетия картина резко меняется – главным военным козырем становится таранный удар тяжелой бронированной конницы, а упоминания о варяжской пехоте просто исчезают из документов эпохи. Причем, что характерно, с запада заимствуется не только тактика и вооружение, но и склад европейского рыцарского мышления, весьма индивидуалистичный и в корне отличный от психологии дружины, как единого коллектива воинов, связанного круговой порукой и верностью предводителю-князю.

Есть исторические свидетельства, что наши витязи (читай рыцари) в конце XI века бывали при дворах французского короля и германского императора, даже участвовали в первых крестовых походах – и европейское рыцарское сообщество принимало их как своих, на равных.

Более того, именно тогда была написана (переведена и адаптирована?) и получила распространение на Руси любопытнейшая книга под названием «Покон витязный» – курс молодого бойца-рыцаря. Читаешь, что должен был знать и уметь наш витязь и с удивлением узнаешь знаменитые европейские «Семь рыцарских добродетелей»: верховая езда; фехтование; владение копьем; плавание; игра в шашки; сочинение стихов; исполнение их под музыкальный инструмент (только лютня, с учетом национальной специфики, заменена гуслиями).

Правда, уже и тогда мы норовили быть впереди планеты всей. Если европейскому рыцарю достаточно было просто уметь переплыть водную преграду, то «Покон» предписывал нашим витязям совершать это с оружием и в полном доспехе.

Не знаю, на мой взгляд рыцарская амуниция пригодней больше для ныряния, чем для плавания. Если на Руси регулярно проводились показательные заплывы молодых витязей в доспехах, то понятно, почему рыцарство у нас никогда не достигло европейского расцвета.

Интересно, что неременная игра и рыцарей, и витязей ни карты, ни кости, ни даже шахматы, – а именно шашки. Что бы там не говорили поклонники шахмат о своей древней игре, но именно шашки учат быстрому тактическому мышлению и умению просчитывать победные комбинации (шахматы слишком усложнены, слишком многовариантны, правила слишком формализованы и оторваны от жизни). Здесь мы имеем дело с древнейшей командно-штабной

игрой – человек, талантливо маневрирующий на доске двенадцатью шашками, сумеет распорядиться и отрядами на поле боя.

И еще один штрих того столетия – рыцарская литература. Нет, рыцарских романов на Руси не писали. Но былины о Владимире Ясное Солнышко и его богатырях напрямую связан с аналогичными европейскими циклами об Артуре и рыцарях Круглого Стола, о паладинах Карла Великого и т.д. Сюжет един – закованный в броню положительный герой ездит верхом по стране и борется со злом; имеют место даже текстуальные совпадения в описании совершаемых подвигов...

* * *

Анализ русских летописей позволяет достаточно точно вычислить хронологию этого неожиданного, по историческим меркам почти мгновенного зарождения и расцвета рыцарства.

1041 г. – Ярослав Мудрый совершает поход в Мазовию. Совершенно традиционно – на ладьях, заполненных пехотой.

1043 г. – Он же посылает на Константинополь рать под началом сына Владимира и воеводы Вышаты. Способ действий тот же.

1060 г. – Поход (ладьи плюс конница) сыновей Ярослава на торков. Текст не позволяет понять, какой из двух этих видов войск был основным.

И, наконец, 1068 г. – настоящая революция в военном деле. У города Сновска трехтысячная дружина тяжелой конницы Святослава Ярославича буквально втаптывает в землю половецкую рать. Это полный разгром – уцелевшие неприятели сброшены в реку (а на дворе ноябрь месяц), вражий предводитель взят в плен. А было их, половцев, ни много, ни мало – двенадцать тысяч, по четверо на одного русского. Никакого фактора внезапности, вроде атаки спящего лагеря или войска на марше, Святослав не применял – войска стояли лицом к лицу, готовые к битве. Заимствованные¹ у Европы тактика и вооружение показали себя на редкость эффективно.

В чем же причина этого негаданного поворота, совершенного за каких-то двадцать лет? Ведь у других народов уходило на подобные перемены значительно больше времени...

Предлагаю следующую версию:

1046 год. Ярослав Мудрый выдает свою сестру за Казимира Польского. Жених делает крайне оригинальный свадебный подарок – возвращает на родину около восьмисот русских пленных. Это не простые смерды, а бояре и дружинники, захваченные еще предыдущим польским королем Болеславом и почти тридцать лет прожившие на чужбине.

Тут надо отметить несколько разный подход к военнопленным на Руси и в Польше – державе уже к тому времени вполне европейской, культивирующей рыцарские традиции. Русские захваченных неприятелей сажали в поруб, а после окончания боевых действий и заключения мира отправляли по домам. Самых злокозненных врагов, отпустить которых просто рука не поднималась, – ослепляли и гноили в сырых подвалах.

Западные же рыцари держали пленников (достаточно знатных) в своих замках на правах фактически гостя, в условиях вполне комфортабельных. Но отпускали – только содрав изрядный выкуп. Это расхождение во взглядах и привело к такому затянувшемуся плену: наши платить упорно не желали, поляки, изрядно потратившиеся на содержание пленных упрямцев, выпускать их за просто так тоже не собирались. Проблему разрешил лишь Казимир, заодно и маленько сэкономивший на свадебных дарах. Впрочем, осуждать его за скупость не стоит,

¹ Говоря о заимствовании, я не имею в виду рабского подражания. Тип мечей, форма щитов и шлемов, конструкция лат – все это было своим, оригинальным. Заимствована сама идея концентрированного удара покрытых толстой броней всадников на лошадях, тоже защищенных доспехами.

Ярослав и без того был счастлив, удачно пристроив родственницу, невесте изрядно зашкалило за тридцать, по меркам тех лет – старуха.

А теперь представьте: не один, не два, не десять, а восемьсот знатных русичей (в то время это люди военные по определению) возвращаются, прожив три десятилетия в европейской, рыцарской стране. Даже если они не принимали участия в военных действиях на западных польских рубежах, а в понятиях средневековья такое было вполне допустимо, – все равно неизбежно должны были привезти с собой много нового: привычки, обычаи, моды, и т.д. и т.п. – все, с чем сроднились за эти годы, в том числе тактику военных действий и понятия о том, каким должен быть рыцарь. Это послужило мощным катализатором для медленного естественного процесса проникновения рыцарства на Русь, который развивался и прежде: через послов; через военные столкновения с немцами, поляками, венграми; через торговые связи и т. д.

Результат не задержался: за каких-то четверть века Киевская Русь стала рыцарской державой.

* * *

А куда они потом девались, русские рыцари? И почему мы про них практически ничего не знаем и не слышим?

Ну, на второй вопрос ответить проще. Все дело в терминологии, достаточно просто употреблять обозначения «богатыри», «витязи», «кованая рать» – и все, исчезли рыцари со страниц отечественной истории. А тот факт, что на Украине (т.е. на исконных землях Киевской Руси) доблестных воинов и в XIX веке называли «лыцарями», почему-то игнорировался. Корень этой игры в термины лежит в великом противостоянии западников и славянофилов. Первые, еще со времени приглашенных Петром I немецких профессоров-историков, считали Русь ущербной и отсталой, дикой страной – какие уж в ней, к черту, рыцари? Дикари бородатые с дубинами и среди них немногочисленные цивилизаторы в лице норманнов-варягов, тоже, конечно диких, но более облагороженных общением с просвещенной Европой.

Славянофилы, со своей стороны, пребывали в противоположенном убеждении – варяги, понятное дело, прирожденные славяне, а Древняя Русь была страна могучая и самобытная, ей занюханная Европа не указ. Что нам их рыцари, наши витязи в десять раз круче были, вспоминайте Чудское озеро.

В общем, термин «русское рыцарство» в этой великой схватке был как кость в горле и тем и другим – и исчез из обихода. Сами наши рыцари так просто со средневековых полей сражений не исчезли.

Но, с другой стороны, трудно отрицать, что своего развития в полном и окончательном варианте рыцарские военные традиции у нас не получили.

Причин тому несколько, и одна из них – географическая. Клинь тяжелобронированной конницы хорош в тесноватой Европе, где у противника мало свободы для маневра. В южно-русских степях такая тактика особого успеха не принесет.

Вернемся еще раз к упоминавшемуся сражению у Сновска. Легкая половецкая конница ушла в глубокий рейд по русским землям и попала по сути дела в ловушку, лишившись главного козыря – маневренности: с одной стороны лес, с другой река, с третьей осажденный Сновск. А подошедшие с четвертой стороны рыцари Святослава Ярославича вчетверо уступали числом, но значительно превосходили броней и оружием – и втоптали в землю бездоспешных кочевников.

В степных просторах чаще получалось наоборот. Достаточно вспомнить очень известные сюжеты двух знаменитых битв в степи, неоднократно отраженных в литературе и искусстве. Это сражение на реке Каяле, так неудачно завершившееся для дружины князя Игоря, известного по одноименной опере; и еще более печальная для русского оружия битва при Калке.

Оба раза повторяется один и тот же ход событий – тяжелая латная конница опрокидывает и рассеивает степняков, но мощнейшие удары приходится в пустоту. Более скоростной противник отступает, маневрирует и наносит удары по разрозненным частям потерявшего свой грозный единый строй рыцарского войска. Финал – два закономерных поражения.

Но в других войнах рыцарская конница осечек не давала. Панцирные всадники на равных тягались на западных границах с немецким, польским, чешским, венгерским, шведским, а позже и ливонским рыцарством. А под штандарты Ливонского ордена, между прочим, стекались лучшие бойцы со всей Западной и Центральной Европы – и, соответственно, все новинки вооружения и тактики. Но ничего, и ливонцев бивали.

А с финно-угорскими лесными племенами, войн с которыми было в XI и XII веках не меньше, закованные в сталь дружинники вообще расправлялись играючи. Лесные удалыцы могли бить стрелой в лет птицу и выходить с рогатиной на медведя, но ударов бронированной кавалерии их нестройные ватаги не выдерживали.

Но рыцарство, как известно, это не только тяжеловооруженные всадники, все сметающие на своем пути. Это еще и один из политико-экономических институтов феодального строя. Который, в европейском его варианте, на Руси XI – XII веков отсутствовал.

На заре европейского средневековья дело происходило следующим примерно образом: вождь какого-либо варварского племени, прописавшись мечом и копьем на землях рухнувшей Римской империи и приняв королевский титул, раздавал завоеванные земли верной своей дружине в ленное владение, в зависимости от заслуг каждого. А они, дружинники, став баронами, маркизами, графами и герцогами, принимали на себя обязанность по первому зову сюзерена вооружаться и выступать ему на помощь. И все были довольны – и король, и свежеиспеченные феодалы, и попавшие в феодальную зависимость обитатели пожалованных земель.

Про последних стоит сказать чуть подробнее, а то марксистско-ленинские историки много лет вбивали нам в головы, что самой заветным желанием средневековых крестьян, замученных барщиной, оброками и повинностями (особо пинали феодалов за право первой брачной ночи); что самой светлой мечтой угнетенных тружеников было зарезать своего сеньора и поджечь его ненавистный замок. А власть всех этих баронов держалась исключительно на мече и копьях их дружин.

Это, понятно, не так. Слишком беспокойным местом была на заре Темных веков Европа, слишком много шлялось по ней вооруженного и опасного народа; и когда свежеиспеченный феодал приходил с дружиной, возводил замок и брал на себя заботу о защите окрестных обывателей (весьма, конечно, небезвозмездную) – они, обыватели, были рады и счастливы, попав в феодальную кабалу. Альтернатива была проста – налетит пешая, конная и приплывшая на ладье ватага, дадут по башке секирой, изнасилуют жену и дочерей, сожгут дом и заберут на память о веселом пикнике все с трудом нажитое имущество. По сравнению с такой перспективой право первой ночи – пустяк и мелочь, не достойная сожаления.

А на мече с копьями свою власть долго не удержишь – прилетит стрела из кустов и конец истории. Да и затягивать чересчур гайки в пору становления феодализма сеньоры просто не имели возможности. Европа еще не пришла в себя после бурных катаклизмов времен Великого переселения народов, люди еще не успели с землей сродниться и пустить корни – легки были на подъем чрезвычайно. Снимутся ночью всей деревней и уйдут на поиски лучшей доли. И ищите, господин граф, ветра в поле.

Нет, господа марксисты, любой общественный строй устанавливается при согласии большинства населения. Простой пример: Англию от пеших и конных набегов надежно защищали моря и проливы. Так там, во внутренних районах, недоступных пиратским вылазкам, жили фригольдеры, т.е. крестьянские общины, не имеющие сеньора. Не нуждались и все тут. Отбиться от местных грабителей у них и своих сил хватало, а серьезные супостаты не появля-

лись. Так и жили – платили, понятное дело, в казну все налоги положенные, но никакой барщины и первой ночи не знали.

В континентальной Европе подобным сельским общинам выжить было труднее. Но города, защищенные от превратностей жизни высокими крепостными стенами, тоже посылали подальше господ феодалов, желающих предоставить защиту и покровительство.

Ну ладно, вернемся к европейскому рыцарству. Понятное дело, с течением времени феодалы все больше привязывались к земле и хозяйству и, соответственно, становились все тяжелее на подъем. Но постоянное пополнение рыцарских ратей обеспечивал один очень мудрый обычай под названием майорат. Всю отцовскую землю получал единолично старший сын, а младшие отпрыски могли рассчитывать лишь на коня, доспехи и добрые пожелания на дорогу. А дорог у юных безземельных феодалов было в те времена не слишком много – военная да духовная. Торговать, пахать землю или заниматься еще чем-нибудь полезным тогдашние законы и обычаи им никак не позволяли. Ну, кто был послабее духом и телом, принимали духовный сан, а остальные пробавлялись чем могли: бесцельно странствовали в поисках приключений, с большой охотой вставали под королевские знамена при первых признаках войны, отправлялись за море в крестовые походы, вступали в духовно-рыцарские ордена, несущие огнем и мечом истинную веру неразумным язычникам – прибалтам да славянам.

Так вот, основополагающий принцип европейской рыцарской системы – земельные владения в обмен на верную службу – в Древней Руси как-то не прижился; феодалы и лены (или, по-русски говоря – уделы) наши князья своим дружинникам не раздавали. По одной простой причине – самим едва хватало. У первых Рюриковичей, надо заметить, редкостная любвеобильность сочеталась с горячей привязанностью к чадам. К примеру, князь Владимир Святославич (Владимир Красно Солнышко русских былин, причисленный к лику святых за крещение Руси) – имел четырех жен, не считая нескольких сотен наложниц. Даже с учетом высокой детской смертности в те годы, только от законных жен выросли и предъявили права на отцовское наследство аж двенадцать сыновей! Кстати, детей от наложниц совсем не следует сбрасывать со счетов, их тоже не забывали и не обделяли, тем более что сам Владимир «Святой» был сыном рабыни-наложницы...

Ну и другие, менее святые, чем Владимир, князья тоже заселяли своими потомками землю Русскую с немалым старанием и энтузиазмом. А майората на Руси не существовало, каждый потомок получал свой удел и княжил в своем городе (многих из этих, упоминаемых в летописях удельных столиц, вы сейчас на карте не найдете – выбрав деревушку побольше, на скорую руку возводили деревянный детинец да княжий терем и гордо именовали городом). Больше всего этот процесс напоминал историю с неосмотрительно завезенной в Австралию парой кроликов... И финал был тот же – грянула экологическая катастрофа, число уделов росло в арифметической прогрессии, поголовье Рюриковичей – в геометрической.

И как всегда в таких случаях, в дело вступили природные регуляторы численности, у кроликов это эпидемии, у князей – междоусобные войны, взаимные убийства, ослепления и гноения в порубе...

В общем, нашим витязям-рыцарям-дружинникам поместья за верную службу никак не светили². Дружинники кормились княжим жалованьем да военной добычей. Да и трудно было им осесть на земле при том кочевом образе жизни, что вели в XI – XII веках князья и их верные, но не особо многочисленные дружины.

Дело происходило примерно так: утомившись от бесплодных войн, собирались ближние и дальние родственники-Рюриковичи на княжий съезд. И после долгих споров и интриг

² Лишь несколько веков спустя, когда московские князья введут наследование для старших сыновей, а остальным уделы будут выделять, прямо скажем, скорее символические – только тогда сложится некое подобие европейского феодального землевладения. Но рыцарские времена в Московской Руси к тому моменту уже пройдут...

(поневоле вспоминается Сухаревская конвенция детей лейтенанта Шмидта) делили по-братски имеющиеся в наличии престолы. Но получив во владение удельный город N*, какой-нибудь Мстислав (или Игорь) редко там долго задерживался. Чаще всего к городу подступал с ратью считающий себя обделенным родич и выгонял Мстислава-Игоря, в лучшем случае предлагая взамен свой, более захудалый удел. А спустя год-другой пострадавший потомок Рюрика, навербовав наемников-половцев, возвращался и восстанавливал статус-кво. Что отнюдь не гарантировало ему спокойной жизни – тут же могли возмутиться горожане, тоже любившие половить рыбку в мутной воде княжских раздоров. Вооружившись топорами, ухватами и другим подручным инвентарем, неблагодарные подданные заявляли, что князь им «не люб», а люб посуливший налоговые льготы третий претендент.

В таких случаях дружинники чаще всего в схватку со взбунтовавшимся народом не вступали, ввиду подавляющего численного перевеса последнего. И Мстислав-Игорь с дружиной отправлялся искать счастья и плохо лежащего удела. А если тут еще умирал кто из правящих родственников, порой приходилось и вовсе скакать на другой конец матушки-Руси, дабы успеть поживиться чем-нибудь из наследства... Жаловать дружину землями при таких постоянных разъездах – лучший способ без нее, дружины, остаться...

Но не стоит думать, что мудрая Европа жила мирно и спокойно благодаря ленной системе и майорату, а русские недотепы мыкались со своим довольно запутанным наследственным лествичным правом и понапрасну складывали головы в разборках расплодившихся до неприличия Рюриковичей.

Были свои плюсы и в нашей системе. Во-первых, размеры и масштабы наших феодальных усобиц чрезмерно раздуты позднейшими историками. Все-таки это были схватки представителей только *одной* династии и их относительно немногочисленных дружин. По сравнению с тем, что творилось в Европе, где многочисленные владетельные герцоги, графы и бароны постоянно резались между собой и восставали против сюзеренов – это просто цветочки. Чего стоит один милый западный обычай под названием *фейда* – узаконенная внутренняя война между самовластными феодальными сеньорами. Или *рокош* – тоже вполне законное выступление феодала против собственного короля. Ничего такого у нас не было, как и не было постоянных свар и схваток между сеньорами и населением независимых или частично зависимых от них городов.³

Во-вторых, постоянная нехватка уделов приводила не только к войнам за них – активно осваивались новые земли и воздвигались новые города, держава неудержимо катилась на восток, к Уралу. И если европейские Париж, Кельн, Лондон до сих пор стоят на месте еще древнеримских поселений (а то и доримских), то у нас, к примеру, Москва зародилась как фронтирный поселок, опорный пункт в войнах с финно-уграми. И возникали такие городки не то что десятками – сотнями, недаром звали скандинавы Русь Гардарикой – страной крепостей.

Конечно, в русских, на скорую руку срубленных из дерева городках всяких европейских архитектурных красот, Тауэров да Кельнских соборов, не наблюдалось, но зато и не было западной скученности и антисанитарии.

Это, знаете ли, сейчас хорошо бродить по узеньким, переплутать можно, улочкам европейских городов и любоваться на крохотные, стиснутые вплотную дома с узкими фасадами. А вот жить в этих каменных трущобах просвещенной Европы было не слишком выгодно, даже ходить с целью любования по тем самым улочкам в Средние века едва ли кому хотелось – ввиду полного отсутствия канализации содержимое ночных горшков эвакуировалось в сточные канавы прямо через окна.

³ Противостояние великих князей Московских со Псковом и Новгородом – история отдельная и случившаяся много позже, заслуживающая отдельного разговора. Но рыцари – знаменитая новгородская «кованая рать» – свою роль в ней сыграли, и немалую.

Надо думать, постоянное воздействие этих миазмов сильно сказывалось на умственных способностях аборигенов – приезжая из провонявшей Европы в наши города и глядя на рубленные избы с просторными подворьями, тут же обвиняли наших в невежестве, дикости и начинали учить жизни – дикари мол, эти русские, живут как медведи в деревянных берлогах.

Хуже того, даже обычай русской бани европейские грязнули, мывшиеся по самым большим праздникам в котле с подогретой водой и даже придумавшие одеколон единственно для заглушения ароматов своих немытых тел – даже нашу баню они объявляли беспросветным варварством. Сытый голодного не разумеет, а грязный чистого, надо думать, тоже. Зато у них был Тауэр, это точно.

Но я немного отвлекся от темы русского рыцарства.

* * *

Вот так и жили русские рыцари – без собственных замков, гербов и земельных угодий – конь, оружие, доспехи, постоянные походы; сегодня пируют с князем, звенят серебряными ложками, завтра бесславно складывают головы в очередной междоусобной заварушке. Жили и дожили до тридцать седьмого года. Не того, конечно, о коем так любят лить слезы страдальцы за правду и демократию – до 1237 года, морозной зимой которого пришел с войском Батый и попробовал навести на Руси какое-то подобие порядка (попытка не первая и не последняя, и закончившаяся, в конце концов, тем же, что и прочие).

Подробности блицкрига Батыя и затянувшейся после него на несколько веков династической свары Рюриковичей и Чингизидов выходят далеко за пределы нашей повести, поэтому скажем лишь, что после этого события дороги русских рыцарей разошлись в разные стороны. Как известно, часть русских княжеств (Рязанское, Владимиро-Суздальское и др.) вошла в состав мощного государственного образования под названием Золотая Орда. Вошла *добровольно*, признав царем Батыя на княжьем съезде 1245 года.

Другая часть русских земель оказалась в составе Литвы. Кстати, многие поколения наших историков избегали употреблять полное название этой страны, что вызывало и вызывает совершенно ошибочные ассоциации с нынешним прибалтийским государством. А в Великом Княжестве Литовском и Русском большинство населения составляли русские; и государственный язык был русским, а религия большинства населения – православной; и русскоговорящие князья только числились по крови литовцами, но были ими не более, чем Рюриковичи скандинавами – постоянные браки с русскими князьями бесследно растворили остатки литовских генов.

Юго-западная Русь (Галицко-Волынское княжество, впоследствии королевство) и Северо-Западная (Псков и Новгород) остались независимыми. Правда, спустя век Юго-Запад завоевали поляки. (Интересно, что историки это завоевание игном не называют, хотя поляки физически уничтожили галицких и волынских князей и весьма старательно искореняли язык, культуру и веру, а Северо-Восточная Русь под скипетром ордынских царей пользовалась полной свободой в этих вопросах...) Ну а Новгород и Псков так и сохраняли государственный суверенитет до времени Ивана III и Василия III.

И судьба русских рыцарей на этих землях совершенно различна.

Но это, как говорится, уже совсем другая история...

Глава девятая. Послесловие к легенде

Так и не решив, что делать с крейсером «Виндиктив» дальше, англичане передали его в распоряжение бельгийского правительства в качестве памятника войны.

Дж. Н. Горз, «Подъем затонувших кораблей»

В славном городе-герое Санкт-Петербурге полным-полно всяких исторических кораблей. Про «Аврору» и говорить не приходится, стоит себе спокойно на якоре с разобранной машиной и с вполне боееспособными, регулярно смазываемыми орудиями. Похоже, либералы-реформаторы, штурмовавшие с эпилептической пеной у рта ленинский Мавзолей, как-то позабыли про этот символ старого режима. А может, боевые пушки внушали им больше почтения, чем безответная мумия. Но так или иначе крейсер революции пока на плаву...

А дедушка русского флота – легендарный ботик Петра Первого – уже давно на суше и под крышей, в Военно-морском музее. Причем снабжен сей экспонат не лишенной любопытства табличкой: «В 1688 году этот ботик был найден юным царем Петром на берегу реки Яузы и т.д.» Ну скажите на милость, что можно было найти в далеком 1688 году, гуляя по берегу тогда еще подмосковной речки? Потерянный лапоть или забытую удочку, при удаче – купающуюся девицу, при невезении – утопленника... Но царю Петру удивительно везло на находки, примерно как одному известному репортеру одной весьма популярной в восьмидесятых годах XX века программы. Он, репортер, тогда все выброшенную колбасу находил, в основном копченую, причем центнерами и тоннами, к жгучей зависти телезрителей, в те годы отоваривавших талоны на мясные и колбасные изделия... Но и ботик, надо признать, неплохая находка.

Представьте себе мирного обывателя Государства Московского, вытащившего из сарая и спустившего на воду свой законный ботик в рассуждении съездить на рыбалку или просто прокатиться по Яузе погожим летним деньком. А тут по берегу гуляет малолетний царь. «Ой, смотрите, что я тут нашел!» – удивленно кричит он нянькам и дядькам, радостно прыгая на одной ножке вокруг находки. И подоспевшая охрана оттесняет бердышами уже бывшего владельца дедушки русского флота...

Многочисленные потомки славного дедушки украшают не только Петербург, почти в каждом приморском городе есть свое историческое судно, водруженное на постамент или стоящее на вечном приколе. Даже в сугубо континентальном Магнитогорске приткнулась к набережной Урала некая пародия на боевой корабль – обшитый «броней» из котлового железа буксир с хилой пушечкой на носу, чем-то там отличившийся в баталиях гражданской войны.

А теперь вопрос к любителям отечественной истории: а где сейчас находится знаменитый крейсер «Варяг», легенда российского флота, персонаж фильмов, книг и народных песен? Молчат любители, обрываются их знания на героическом затоплении в бою с японской эскадрой при Чемульпо, да еще кое-кто припоминает, что был назван «Варягом» построенный в советское время ракетный крейсер. Ну тогда послушайте, как оно было...

* * *

Затопленный командой крейсер подняли с морского дна довольно быстро, поскольку лежал он на мелководье – надстройки в отлив выступали из воды на четыре метра. Подняли, разумеется, победители, то есть японцы. Конечно, воспрепятствовать этому можно было подрывом пороховых погребов либо затоплением на большей глубине, но достопамятное сражение происходило в самом начале войны, задолго до Цусимы, Мукдена и Порт-Артура, все верили

в скорую победу, и командир крейсера Руднев, отдавая приказ, не сомневался, что поднимать и восстанавливать корабль придется российскому флоту. Не сложилось.

Подняв «Варяг» в августе 1905 года, японцы наспех залатали полученные крейсером в бою повреждения и кое-как восстановили машину. И тут перед самураями встал вопрос о дальнейшем использовании трофея. Полное восстановление в качестве боеспособной единицы требовало слишком больших вложений, и крейсер, получивший японское имя «Сойя», десять лет использовали в качестве учебного корабля...

Военное кораблестроение в десятилетие между русско-японской и первой мировой войнами развивалось особенно бурно – эпоху броненосцев сменяла эпоха линкоров. Введенный в строй в 1901 году бронепалубный «Варяг» на глазах морально устаревал, проигрывая броненосным крейсерам в боевой мощи, а легким – в скорости.

И мстительные японские адмиралы, по слухам, собрались было превратить учебный крейсер в судно-мишень, чтобы узкоглазые канониры совершенствовали свое мастерство, посылая снаряды в гордость русского флота. Спасло плавучую легенду от этой печальной участи начало первой мировой войны.

* * *

Мало кто из широкой публики помнит, что Япония принимала участие в этой войне, обозванной марксистами империалистической, и воевала на стороне Антанты, то есть была союзником России. Да и вообще историю и ход той войны наши соотечественники и современники знают из рук вон плохо, даже не помнят, кто и с кем воевал; пусть Англию, Францию, США и Россию с одной стороны, и Германию с Австро-Венгрией с другой вспомнить может почти каждый, но воевало-то в первой мировой 38 государств! Хотя, конечно, были среди них вояки вроде карликового европейского государства Сан-Марино, выставившего на стороне Антанты армию числом аж в 15 (!) человек. Можно представить, как была счастлива Антанта и как долго смеялись в германском генеральном штабе над новообретенным противником...

Японцы же воевали на полном серьезе – на главном, европейском театре они не показывались, но азиатские колонии Германии захватили быстро и грамотно. Но захватить – это половина дела, ведь выиграй немцы войну в Европе, рано или поздно пришлось бы самураям иметь дело не с парой германских устаревших колониальных канонерок, но с лучшими эскадрами крингсмарине. А на европейских фронтах, что ни говори, главной ударной силой Антанты была русская армия...

Короче говоря, «Варяг» нам вернули. И даже не слишком большую цену заломили за подъем и ремонт. Легенда российского флота снова отшвартовалась на рейде Владивостока. Превращать корабль в плавучий музей никто не собирался, наоборот, решили включить героический крейсер в состав флотилии Северного Ледовитого океана и использовать в сражениях с немецкими рейдерами. Команду подбирали очень тщательно, не из местных тихоокеанских моряков, все матросы были отправлены во Владивосток из Петрограда, из состава Лейб-гвардейского морского экипажа. Гвардейский экипаж, самая элитная часть флота, состояла из наиболее надежных, проверенных, преданных династии матросов. Именно из их числа набирались команды императорских яхт, в том числе и знаменитого «Штандарта». Николай II доверял этим людям безусловно, но, как впоследствии выяснилось, абсолютно зря.

Командиром был назначен один из лучших офицеров, капитан первого ранга Карл Иванович фон Ден, из остзейских немцев. Интересные они были очень люди, эти прибалтийские бароны. Триста лет из поколения в поколение преданно служили Империи, отличались и в мирных делах, и в войнах (порой и против соотечественников-немцев), но стоило государству рухнуть, и откуда-то из глубин генетической памяти всплыли замашки вольных и самовласт-

ных феодалов. Судите сами: барон Унгерн – диктатор Монголии, барон Маннергейм – диктатор Финляндии, барон Врангель – диктатор Крыма...

Но это все будет потом, а пока и командир, и экипаж добрались в марте 1916 года наконец до Владивостока, а еще через месяц крейсер вышел из Золотого Рога. Начался долгий поход через три океана.

За время перехода выяснился ряд любопытных фактов:

1. В своем нынешнем состоянии крейсер неспособен был вести бой с любым вооруженным противником, а ходовые качества не позволяли уклониться от боя. Требовался долгий и тщательный ремонт.

2. На Белом и Баренцевом морях, куда фон Ден вел корабль, базы для подобного ремонта просто не было.

3. Попытка провести «Варяг» через Северное и Балтийское моря в Петербург, Ревель либо Кронштадт, где имелось надлежащее оборудование, вероятнее всего закончилось бы вторичным потоплением крейсера, на этот раз немцами.

В принципе, адмиралы могли бы подумать об этих довольно очевидных вещах еще до выхода из Владивостока. И зимой 1917 года «Варяг» снова отправился путешествовать, на этот раз к союзникам, в Англию, на ремонт в Ливерпуль.

Осмотрев крейсер, союзники заявили, что по случаю войны их доки и верфи сильно загружены и попросили на ремонт год сроку. Но заломили за эту услугу триста тысяч фунтов стерлингов. В пересчете на рубли (золотые, николаевские) это уже получались миллионы. Царское правительство, надо думать, заплатило бы, по крайней мере морской министр Григорович на оплате настаивал категорически. Но тут у них совсем не вовремя как раз вышла маленькая неприятность – Февральская революция.

* * *

Узнав о падении Империи, моряки-гвардейцы оживились. Появилась вполне реальная возможность избежать близкого знакомства с немецкими снарядами и торпедами. Матросы, привыкшие к спокойным плаваниям на «Штандарте» в окрестностях Ливадии, совершенно не хотели повторять подвиги предшественников, первой команды «Варяга». О присяге эти трижды проверенные охранным отделением люди и не вспоминали, все дружно нацепили красные банты и первым делом занялись выборами судового комитета. Впрочем, сухопутные гвардейцы вели себя точно так же...

Этот судовой комитет, этих людей, сыгравших немалую роль в дальнейшей печальной судьбе крейсера, стоит вспомнить поименно, страна должна знать своих героев. Надо сказать, что в состав комитетчиков вошли отнюдь не рядовые канониры или палубные матросы:

- боцман Летунович (председатель);
- телеграфный унтер-офицер 1й статьи Воробьев;
- телеграфист Казеровский (секретарь);
- унтер-офицер 2й статьи Сухарев.

Первоначальные права и обязанности (контроль за бытовыми условиями и качеством питания матросов, посреднические функции в случае конфликта нижних чинов и офицеров и т.п.) очень быстро становятся тесными для матросских избранников. Заседания идут одно за другим, телеграфист Казеровский строчит все новые протоколы. На первом же, длившемся целых три дня заседании было принято решение об удалении неугодных офицеров, наиболее строгих по части дисциплины. В Ливерпуль уже дошли из России слухи о кровавых расправах над офицерами, учиненных революционными солдатами и матросами, и, повозмущавшись для приличия, 13 апреля 1917 года два лейтенанта и каплей, не угодившие команде, сошли на берег.

Следующим решением комитетчики запретили всем членам команды выполнять приказания командира и офицеров, до тех пор, пока их, приказы, не утвердит судовой комитет. Попробуйте для интереса представить бой при Чемульпо, где каждая команда Руднева на залп или маневр требовала бы санкции матросского комитета... Однако новая команда «Варяга» воевать не очень и собиралась, да и контр-адмирал флота российского Всеволод Федорович Руднев не дожил одного года до начала первой мировой войны и позора этого не видел. А фон Ден офицером безусловно был грамотным, но командовать толпой взбудораженных революционными идеями матросов явно не умел, и от руководства фактически самоустранился. Но пусть первым бросит в него камень тот, кто стоял лицом к лицу с готовыми поднять на штыки маргиналами и сохранил при этом и жизнь, и честь одновременно...

А тем временем российский военно-морской атташе в Англии контр-адмирал Волков бомбардировал Временное правительство телеграммами по поводу финансирования предстоящего ремонта. Временное правительство с деньгами расставаться не спешило и приняло соломоново решение: ремонт не оплачивать, заплатить только за стоянку крейсера у ливерпульских причалов.

* * *

Много лет спустя советские историки обвиняли английские власти в «предательском захвате» крейсера «Варяг». Действительно, захватывать судно у союзников по жестокой и кровопролитной войне (а таковыми мы оставались и при Временных, и при Совнаркоме, вплоть до самого Брестского мира) – это предательство, причем совершенно глупое и нелогичное, хоть с позиций международного права, хоть с точки зрения обычной человеческой этики.

Но давайте разберемся спокойно. Англия три года изнемогает от невиданной в истории войны. Тем сильнее изнемогает, что предшествовали этому полвека с лишним спокойного и мирного процветания. То есть мирного для метрополии, естественно. Да собственно и процветания – тоже только для метрополии.

Но постоянные колониальные войны, бунты и эпидемии жизнь среднего британца не особенно затрагивали. Империя постоянно и успешно расширялась, потоки колониальных богатств создавали впечатление стабильности и нерушимости.

Первая Мировая расколола сверху донизу этот уютный мир, построенный на крови расстрелянных сипаев, на столах изнемогающих в шахтах готтентотов, на поте рубщиков тростника в Вест-Индии. Да и на многом другом. За спокойствием и уютом Старой Англии, за всеми этими изящными каминами и подстриженными газонами, за ухоженными коттеджами и красивыми традициями стоял труд почти миллиарда людей, работающих на износ в нечеловеческих условиях, голодающих и умирающих до срока. Война, немецкая блокада портов и охота на морские конвои просто развернули в обратную сторону бумеранг колониальной экономики. Так что не будем слишком уж жалеть британцев. Просто отметим, что в семнадцатом году им было очень несладко.

А как говорит русская пословица, где толстый сохнет, там тощий сдохнет. По пролетариям такая жизнь ударила в первую очередь. Резко увеличившийся рабочий день, голодающие семьи, полная неясность военных перспектив, – все это могло толкнуть весьма умеренных британских рабочих на реализацию самых бредовых и кровавых революционных идей. Собственно говоря, после кровопролитнейших сражений шестнадцатого года, после Соммы и Брусиловского прорыва стало ясно, что победитель определяется не на фронтах. Победит тот, в чьем истощенном тылу позже вспыхнет пожар революции.

Итак, ситуация в Британии, мягко говоря, сложилась революционная: Ливерпуль, один из самых пролетарских городов, помаленьку превращается в пороховую бочку, нуждающуюся только в запале. А вот вам и запал, любуйтесь: стоит на рейде бронированная громада под

красным флагом, пушки нацелены на город и снарядов в достаточном количестве. На борту почти шесть сотен матросиков, фактически не подчиняющихся ни Временному правительству, союзному британцам, ни собственным офицерам; сход на берег у них практически свободный (по решению пресловутого судового комитета). А у каждого матроса, помимо тяжелого вооружения крейсера, имеется и трехлинейная винтовка с полным боезапасом. По немцам эти винтовки, всем уже понятно, теперь никогда не выстрелят. В лучшем случае – штык в землю, в худшем – в брюхо буржую, нашему ли, английскому – без разницы, нашлось бы чего пограбить...

Даже если бы британские власти сразу, для профилактики, разоружили матросскую вольницу, и то язык не повернулся бы назвать это предательством. Но военный комендант медлил, ограничиваясь увещеваниями и предупреждениями. Первый ход сделали Летунович, Казеровский и компания.

Первомайский праздник 1917 года в пролетарском городе Ливерпуле был многолюдным. Двадцать тысяч рабочих из города и окрестностей образовали весьма внушительную демонстрацию. Приняли в ней участие и три с половиной сотни матросов с «Варяга» – все с винтовками, с красными бантами, над ошестинившейся штыками колонной – красные флаги и безграмотно написанные на английском лозунги: «Долой грабительскую войну!» и «Долой самодержавие!». Ну, с грабительской войной понятно, о том, как рвались эти корабельные крысы на защиту Отечества, мы уже говорили (хотя, вопреки лозунгу, многие из них спустя полтора года примут самое активное участие в действительно грабительской, гражданской войне). Но вот строчка насчет самодержавия... В России этот институт государственной власти приказал долго жить еще в феврале месяце. Монарх наблюдался в недалеких окрестностях лишь один – английский король Георг V.

А британская полиция смотрела и не вмешивалась в ход этого провокационного шествия. Так и поди вмешайся, когда все вооружение английского бобби в те времена – свисток и дубинка. Да и не привыкли в благопристойной Англии к таким веселым гулянкам. После демонстрации, как положено, – митинг. Кричат британские пролетарии, надрываются. Им тоже повестку на фронт ждать не хочется и маргарин по карточкам получать надоело. Ну, наши-то языкам не обучены-с, в прения не лезут, но солидарность выражают и винтовками размахивают. А тут еще братва на крейсере впечатления добавить решила – задвигались хоботы орудий главного калибра, на город направленные, ползают, будто цель выискивают. Трепещите, дескать, буржуины подлые...

После митинга, как водится, побили витрины и морды ненароком подвернувшейся чистой публике, да погромили маленько лавки эксплуататоров. Здесь уж нашим языковый барьер не мешал...

Надо сказать, что сейчас принято во всех революционных бесчинствах обвинять исключительно коммунистов. Да они, марксисты-ленинцы, сами в том виноваты – семьдесят лет приписывали себе «заслуги» других партий в организации всех сколько-нибудь заметных акций и выступлений. Так вот, исторической справедливости ради надо отметить, что к первомайским безобразиям в Ливерпуле большевики отношения не имели. Их ячейка на «Варяге» была, но в судовый комитет ее представители не входили и большого влияния на развернувшиеся события не оказывали. Во главе матросских масс шли эсеры, трудовики и эсдеки-меньшевики (с одним примкнувшим анархистом-кропоткинцем), а не имевшие особого авторитета ленинцы отирались на обочине. Но ничего, свое слово в истории с крейсером они еще скажут.

На следующий день подъехали вызванные из Манчестера войска и англичане совершили то самое «предательство» – изъяли с крейсера все снаряды. При этом не то что никого не повесили по законам военного времени за призывы к свержению законной власти, но даже не отправили зачинщиков в кутузку, охладиться недельку-другую от революционных идей. Добрейшей души люди...

Но бузотеры в тельняшках на этом не успокоились, скучно им было сидеть на крейсере, пока братва в Кронштадте и Питере веселится и гуляет, готовясь к полной и окончательной экспроприации экспроприаторов. Каждый визит этих «союзников» на берег оборачивался очередным непотребством. В конце концов британские власти отбуксировали «Варяг» на самый дальний рейд, заблокировали подходы к нему вооруженным кордоном и изъяли у революционной матросской массы все винтовки и патроны.

А дело с ремонтом крейсера все затягивалось и затягивалось. По зрелому размышлению, начинать этот годичный как минимум процесс уже и не имело смысла – война явно близилась к концу, людские и материальные ресурсы воюющих стран были в последней стадии истощения... Между британцами и Временным правительством начался новый раунд переговоров – на этот раз о судьбе команды «Варяга». Англичане стремились как можно скорее избавиться от этой непредсказуемой публики, но и Керенский, только что с большим трудом подавивший июльское выступление их коллег – балтийских матросов, совсем не жаждал появления еще и этой головной боли в Петербурге либо в другом портовом городе России.

Выход нашли довольно оригинальный – бывших лейб-гвардейцев, а ныне революционную братву отправили в... Америку, на радость тамошнему эксплуататорскому классу. Правда, винтовки им не вернули и повезли не всех гуртом, а группами по 50-100 человек. Дело в том, что Америка по дешевке продала российским союзникам партию военно-транспортных судов, поставлять и перегонять их должны были в течение года. Экипажи этих транспортов и предполагалось разбавить матросами с «Варяга». В Новом Свете большую часть их и застанет Октябрьская революция, и пути-дороги последней команды крейсера разойдутся: кто-то навсегда останется под сенью звездно-полосатого флага, а другие всеми правдами и неправдами проберутся в Россию – в ряды славной РККА, в отряды Нестора Ивановича Махно, в экипажи мятежных кронштадтских линкоров... Да и черт с ними, с этими братишками. Наш рассказ о крейсере.

* * *

Дойдя в изложении событий до этого примерно места, вдруг заметил я в программе передач интересное название: «Последняя гибель „Варяга.“» С одной стороны, было приятно – все-таки вспомнили, раскопали в архивах, расскажут теперь людям... С другой стороны, конечно, немного обидно – тема уже казалась *своей*, родной и выстраданной.

Но напрасны были и надежды, и опасения. Вопреки названию передачи, раскормленный до безобразия ведущий поведал о судьбе совсем другого корабля – советского крейсера «Мурманск». Про «Варяг» из получаса эфирного времени шакал камеры и микрофона вещал не более полутора минут. Но мастерство, как говорится, не пропьешь (в данном случае не проешь) – за девяносто секунд в эфир полетела щедрая порция нелепой лжи. «Варяг», уверял нас этот ТВ-боров, был после войны куплен у Британского правительства Германией. Которая злонамеренно либо случайно утопила его в Ирландском море, при буксировке в фатерланд.

Ну зачем, скажите, полностью разоруженной по условиям Версальского мира Германии покупать крейсер «Варяг»? На металлолом? Извините, и свои-то разрезанные корабли парализованная германская промышленность пустить в дело не была в силах. Права, к примеру, на затопленную в бухте Скапа-Флоу часть кайзеровского флота были проданы за бесценок английскому предпринимателю Коксу.

Да и просто не на что было бы немцам купить крейсер. Степень нищеты послевоенной Германии сейчас даже трудно представить. Один крохотный штрих – при денежной реформе, проводимой в 1923 году, немецкая марка обменивалась по курсу *один к триллиону*. Для тех, кто забыл, напомним: триллион – это единица с двенадцатью нулями. Наши инфляция, дено-

минация, приватизация и прочие экономические чудеса Гайдара на таком фоне выглядят невинно, как новогодний утренник в младшей группе детского сада...

Но если покопаться, в любой телевизионной лжи можно найти долю правды. Немцы действительно сыграли определенную роль в последнем акте драмы «Варяга». Хотя и диаметрально противоположную той, что приписал им тележурналист. И зачем было так старательно врать о случившейся три четверти века назад истории, никак не затрагивающей интересы нынешних бизнесменов и политиканов? Похоже, привычка действительно вторая натура.

Ну да ладно, довольно о грустном. Пора вернуться туда, где мы оставили легендарный крейсер – на причалы Ливерпульского порта.

* * *

Семь лет помаленьку ржавел покинутый командой «Варяг» в самом дальнем углу Ливерпульской гавани, неподалеку от Угольного порта. Полное впечатление, что за другими неотложными заботами о нем просто позабыли. Да и то сказать, в первые четыре года из этих семи британцам решать вопрос о его дальнейшей судьбе было просто не с кем. В бывшей Российской империи воевало теперь между собой до двух десятков всевозможных правительств, причем по размеру контролируемых территорий Совнарком был среди них не самым первым.

Но потом помаленьку все утряслось, и к 24-му году окончательно стало ясно, что Советы – всерьез и надолго; и как к ним не относиться, но вести разговор о «Варяге» придется именно с Советским правительством.

К тому времени ничего особо полезного крейсер из себя уже не представлял – все вооружение и наиболее ценные детали машины были демонтированы, а то, что осталось, заржавело и пришло в полную негодность. И за стоянку, понятно, тоже никто не платил с 18-го года. Английские власти просто могли продать «Варяг» на металлолом в погашение этого долга. Но у надменных бриттов имеется одна национальная особенность, русскому человеку совершенно не понятная. А именно – трепетное, почти религиозное отношение к правам собственности. И поэтому они запросили через советского полпреда в Англии наш Совнарком и лично его председателя товарища Рыкова: а не будете ли вы любезны, уважаемые сэры, оплатить наконец стоянку и забрать свою железную рухлядь? Ходят слухи, что она дорога вам как память, а у нас лишь занимает место и портит пейзаж.

Ничего не ответил товарищ Рыков. У него, как и у прочей нашей партийной верхушки, были в тот момент заботы поважнее, о них речь чуть впереди. Да и подвиг старорежимного крейсера со старорежимным экипажем под началом офицеров-золотопогонников дворянского происхождения – одним словом, бой при Чемульпо – героическим в те годы считать было не велено. Потому как если моряки с «Варяга» были герои, то революционеры-ленинцы, от души желавшие победы японскому микадо и немало ей способствовавшие, получают полными предателями. Это только годы спустя товарищ Сталин наконец осознает, что национальный патриотизм движет массами ничуть не слабее пролетарского интернационализма. И возьмет на вооружение имена полководцев явно эксплуататорского происхождения: Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова и других – появятся награды их имени, будут сняты фильмы (про «Варяг» в том числе) и т.д. и т.п. Лучше, конечно, позже, чем никогда. Но в 24-м году до этого было еще далеко.

Англичане не унимаются: сообщают Советскому правительству, что Адмиралтейство (собственник причала, где мыкает свою судьбу позабытый крейсер) подает иск в суд о передаче прав на корабль в виде компенсации за убытки. И снова молчит Совнарком. У него, видите ли, дел по горло – опять назревает мировая революция. При чем назревает конкретно в Соединенном Королевстве, в просторечии именуемом Британией.

* * *

Бывает, конечно, что революции созревают сами собой. Но происходит это достаточно редко, в одних странах раз за столетие, в других чуть чаще, в третьих как-то вообще умудряются обходиться без подобных праздников жизни. В любом случае процесс созревания сложный, зависящий от сочетания многих факторов.

Марксисты-ленинцы, понятное дело, не могли ждать милостей от природы и выращивали европейскую революцию с упорством маньяка-мичуринца, пытающегося взрастить под Архангельском тропический фрукт путем скрещивания березы с банановой пальмой. Очередной мишенью в середине двадцатых, после провала попытки повернуть к светлому будущему германских рабочих, была выбрана Англия. И неспроста.

Дело в том, что в Англии начинался сильнейший экономический кризис, зародившийся в угольной промышленности и охвативший многие другие отрасли – британская империя расплзалась по швам; промышленность рвущихся к независимости колоний все сильнее конкурировала с метрополией; колониальные рынки, казавшиеся в период викторианского процветания безграничными, все более сокращались. Скорбные умом английские буржуи, ничему не наученные русским примером, попытались сохранить прибыли за счет рабочих – чтобы те, значит, работали побольше, а получали при этом поменьше. Несогласных можно уволить, благо безработных достаточно. Пролетарии, тоже российский пример изучившие куда как внимательно, ответили массовыми стачками – число бастующих доходило до нескольких миллионов человек. Назревало большое веселье: наши комиссары чистили наганы с маузерами и спешно учили английский, оперативно организованный Русско-Английский профсоюзный комитет переводил в Англию деньги якобы голодающим шахтерам (большая часть шла совсем на другие цели, революция – дело весьма дорогостоящее); коминтерновские структуры вплотную занимались подготовкой переворота...

В английскую прессу просочилось так называемое «Письмо Зиновьева», в те годы еще не врага народа, а вполне уважаемого партийца и главы Коминтерна. Содержало оно вполне доступные инструкции местным коммунистам: всеобщая стачка плавно перерастает в вооруженное восстание, рабочие дружины занимают вокзалы, почту, телеграф... ну и так далее, по питерскому сценарию семнадцатого года. Не зря Зиновьев столько дней и ночей тем летом в одном шалаше с Ильичем прожил в Разливе. И нечего криво и цинично усмехаться над их летним уединением – куда, мол Крупская смотрела? – они там подготовкой Великого Октября занимались и ничем больше.

Кстати, когда дело с британской революцией не выгорело, а Зиновьев угодил в оппортунисты и враги народа, то и письмо его объявили буржуазной подделкой. И даже расстреляли двух его якобы авторов – бывших белых офицеров. Эти деятели нелегально пересекли границу Союза с мешками отпечатанных за границей фальшивых червонцев и были пойманы за их распространением. Есть сильное подозрение, что авторство зиновьевского письма они взяли на себя лишь в результате жестких мер убеждения, примененных следователями ОГПУ. С чего бы, действительно, нормальным фальшивомонетчикам подделывать документы Коминтерна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.